

литературное
НОВОЕ
обозрение

Содержание

№

142

[6'2016]

РАБСТВО КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ
И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ

Специальный выпуск. Том II

ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РАБСТВА — II

- 7** *Аманда Брикелл Беллоуз. Двойной портрет бывших невольников. Изображение крепостных крестьян и рабов в живописи России и Америки, 1861—1905 (пер. с англ. Марии Козловой)*
- 26** *Анке Гизен, Андрей Завадский, Артем Кравченко. Между рабским трудом и социалистическим строительством. Заметки о том, как в экспозициях некоторых российских музеев репрезентирован труд заключенных Гулага*
- 45** *Маркус Вуд. Упаковывая и продавая свободу: 1807 год и историческое значение сундука Кларксона (пер. с англ. Марии Козловой)*

- 63** *Оксана Мороз.* Рабство как травма: настройка оптики (Рец. на кн.: *Slavery in Art and Literature: Approaches to Trauma, Memory and Visuality* / Eds. B. Haehnel, M. Ulz. Berlin: Frank-Timme, 2010; *Representations*. 2011. Vol. 113. № 1: *New World Slavery and the Matter of the Visual*)

КОММЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

- 78** *Герт Остинди.* Возвращенная история Нидерландов: пост-колониальные миграции и новая правда о рабстве (*пер. с англ.* Нины Ставрогиной)
- 93** *Андре Чикало.* От социальной амнезии к социальной памяти: повторное открытие историко-археологического наследия рабства в Рио-де-Жанейро (*пер. с англ.* Нины Ставрогиной)
- 110** *Елена Филиппова, Василий Филиппов.* Скванные одной цепью. Память о рабстве и национальная история Франции
- 129** *Александр Дмитриев.* После освобождения: «Великие реформы» и хрущевская оттепель в перспективе российской исторической мысли
- 167** *А.И. Рейтблат.* Нужна ли россиянам свобода? Обзор публикаций, посвященных 150-летию освобождения крестьян
- 181** *Алексей Васильев.* Невольники памяти и работа освобождения (Рец. на кн.: *Reinhardt C.A. Claims to Memory: Beyond Slavery and Emancipation in the French Caribbean*. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2006; *Slavery and Public History: The Tough Stuff of American Memory* / Eds. J.O. Horton, L.E. Horton. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2009; *Araujo A.L. Shadows of the Slave Past: Memory, Heritage, and Slavery*. N.Y.; L.: Routledge, 2014)

РАБСТВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

- 197** *Сергей Антонов.* Законы рабства или рабство законов? Крепостничество как правовая система
- 213** *Пол Финкельман.* Как американский закон и Конституция США определяли рабство (*пер. с англ.* Кристины Сарычевой под ред. Николая Поселягина)
- 249** *Кейла Гринберг.* Рабство, либерализм и гражданское право в Бразилии (*пер. с англ.* Натальи Мовниной)

РАБСТВО И ИНСТИТУЦИИ

- 266** *Марк Буггелън.* Рабство и тюремно-лагерные системы в XIX и XX столетиях: от частновладельческого рабства к государственному и обратно (*пер. с англ.* Нины Ставрогиной)
- 292** *Мария Майофис.* Пансионные трудовые резервы: формирование системы школ-интернатов в 1954—1964 годах
- 325** *Андрей Кабацков, Олег Лейбович.* «По духу времени и вкусу...»: доцент как невольник
- 349** *Александр Гольц.* Общероссийское военное тягло
- 369** *Екатерина Лапина-Кратасюк.* История рабства как «аттракцион» для туриста (Рец. на кн.: *Slavery, Contested Heritage, and Thanatourism* / Eds. G.M.S. Dann, A.V. Seaton. N.Y.: Routledge, 2015)

РАБСТВО И МОДУСЫ СОЦИАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

- 375** *Томаш Зарицкий.* Могут ли договориться между собой польский «пан» и польский «хам»? Интеллигентские споры о наследии крепостного права и его символических остатках в Польше (*пер. с польск.* А.И. Рейтблата)
- 389** *Вадим Михайлин.* Лукавый и ленивый: раб как антропологическая проблема
- 425** *Иван Курилла.* Рабство, крепостное право и взаимные образы России и США
- 441** *Илья Калинин.* «Он грань хотел стереть меж тем, чем был и чем казался»: Рабы, самодержцы и самозванцы (диалектика власти)
- 465** Наши авторы
- 467** Summary
- 474** Table of contents
- 476** Our authors

Редакция

- Ирина Прохорова** (главный редактор) *канд. филол. наук*
Николай Поселягин (теория) *канд. филол. наук*
Татьяна Вайзер (история) *канд. филос. наук; PhD*
Александр Скидан (практика)
Абрам Рейтблат (библиография) *канд. пед. наук*
Владислав Третьяков (библиография) *канд. филол. наук*
Кирилл Корчагин (хроника научной жизни) *канд. филол. наук*

Редколлегия

Константин Азадовский
кандидат филологических наук

Хенрик Баран
PhD. Университет штата Нью-Йорк в Олбани, профессор

Николай Богомолов
доктор филологических наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор

Татьяна Венедиктова
доктор филологических наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор

Елена Вишленкова
доктор исторических наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор

Томаш Гланц
PhD. Университет им. Гумбольдта, профессор / Карлов университет в Праге, профессор

Ханс Ульрих Гумбрехт
PhD. Стэнфордский университет, профессор

Александр Жолковский
PhD. Университет Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе, профессор

Андрей Зорин
доктор филологических наук. Оксфордский университет, профессор / Московская высшая школа социальных и экономических наук, профессор

Борис Колоницкий
доктор исторических наук. Европейский университет, профессор / Санкт-Петербургский институт истории РАН, ведущий научный сотрудник

Александр Лавров
доктор филологических наук, академик РАН. Институт русской литературы (Пушкинский Дом), ведущий научный сотрудник

Джон Малмстад
PhD. Гарвардский университет, профессор

Александр Ошоват
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор

Пекка Песонен
PhD. Хельсинкский университет, заслуженный профессор

Олег Проскурин
кандидат филологических наук. Университет Эмори (США), профессор

Роман Тименчик
кандидат филологических наук. Еврейский университет в Иерусалиме, профессор

Александр Эткинд
PhD. Кингс-колледж Кембриджского университета, профессор

Михаил Ямпольский
доктор искусствоведения. Нью-Йоркский университет, профессор

Рабство и модусы социального самоопределения

Томаш Зарицкий

Могут ли договориться между собой польский «пан» и польский «хам»?

ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЕ СПОРЫ О НАСЛЕДИИ
КРЕПОСТНОГО ПРАВА И ЕГО СИМВОЛИЧЕСКИХ
ОСТАТКАХ В ПОЛЬШЕ¹

Tomasz Zarycki

Can There Be Agreement Between the Polish 'Pan' and 'Kham'?
The Intelligentsia Debates the Legacy of Serfdom and its Symbolic Vestiges in Poland

Томаш Зарицкий (Варшавский университет; профессор; PhD) t.zarycki@uw.edu.pl.

Tomasz Zarycki (Warsaw University; professor; PhD) t.zarycki@uw.edu.pl.

Ключевые слова: крепостничество, Польша, культурное наследие

Key words: serfdom, Poland, cultural legacy

УДК: 93

UDC: 93

В статье анализируются дискуссии, в течение ряда лет идущие в польской прессе и в научной литературе по поводу наследия крепостного права: переработанной, затушеванной «крестьянской» идентичности большинства населения страны и неискупленной его несправедливости. Они являются частью более общих споров по поводу современного значения конфликтов между шляхтой и крестьянами в истории Польши. По мнению автора, это внутриинтеллигентские споры с сильным

Zarycki analyzes the discussions that have been going on for several years in the Polish press and scholarly literature regarding the legacy of serfdom: the unprocessed, suppressed 'peasant' identity of the majority of the country's population and its uncompensated injustice. These debates are part of broader disagreements regarding the contemporary meaning of conflicts between the gentry and the peasantry in Polish history. In Zarycki's view, these are debates limited to the intelligentsia and carry a strong political flavor. Apologists for the gentry,

1 Статья подготовлена в рамках исследования «Влияние феодального наследия и функции постшляхетских элит в формировании модели общества в Польше», проводимого в Институте философии и социологии Польской академии наук по гранту польского Национального центра науки (NCN), № UMO-2011/03/B/HS6/03971.

политическим акцентом. Защитниками «шляхты», то есть классических традиций Речи Посполитой и ее элит, являются идеологи консервативной ориентации, а критиками пережитков крепостного права в современных социальных отношениях и в системе социальных ценностей – интеллигенты-либералы.

i.e. the classical traditions of the Polish-Lithuanian Commonwealth and its elites, tend to adhere to conservative ideology, while those who criticize the remnants of serfdom in contemporary social relations and within the system of societal values tend to be educated liberals.

В течение ряда лет в польских средствах массовой коммуникации, в особенности в интеллектуальных газетах и журналах, идет дискуссия по поводу современного значения наследия крепостного права. Она является частью более общих споров по поводу современного значения конфликтов между шляхтой и крестьянами в истории Польши. Главными инициаторами дискуссии являются леволиберальные интеллектуалы, которые предпринимают попытку критики доминирующих представлений о прошлом страны, в особенности роли, которая приписывается в них шляхте. Как утверждают указанные критики, шляхта и ее наследие идеализируются в посткоммунистической Польше. Ее иконописный образ связан с более широким мифом Речи Посполитой², сейчас часто прославляемой, в особенности представителями консервативных взглядов, как идеальная всенародная республика, основывающаяся на идеалах шляхетской свободы.

Сторонники подобных взглядов нередко даже заявляют, что Речь Посполитая была своеобразным прототипом современного Европейского союза. Как утверждают левые критики, этот широко популяризируемый после краха коммунизма образ Польши времен Речи Посполитой игнорирует многочисленные негативные черты политического, социального и экономического строя этого государства. Для его идеализированных версий особенно характерно преуменьшение или даже замалчивание тяжелой судьбы крестьян, в частности их крепостной зависимости, сравниваемой критиками с рабством. Список обвинений, предъявляемых Речи Посполитой, на этом не заканчивается. Касаются они, в частности, вопроса его восточных регионов, называемых до сих пор кресами. Речь идет, в частности, об огромных пространствах тогдашней Речи Посполитой, сейчас входящих главным образом в состав Белоруссии, Литвы, Латвии и Украины³. Положение крестьян было там особенно трудным, к тому же в этих регионах сложились сложные культурные и религиозные отношения, важным аспектом которых было символическое доминирование польской культуры и католицизма в условиях количественного преобладания представителей других культур и религий, в особенности за пределами больших городов. Подобное доминирование эти критики интерпретируют как угнетение польской шляхты численно преобладающих на этих громадных пространствах крестьянских масс не польской идентичности, а его защитники видят в нем

2 Речь Посполитая — государство, возникшее в 1569 году на основе союза Королевства Польского и Великого княжества Литовского и прекратившее свое существование в 1795 году после раздела между Австрией, Пруссией и Россией. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

3 Восточные кресы (от польского слова «крес» — граница, конец, край) — польское наименование восточных территорий Речи Посполитой, а позднее межвоенного Польского государства (1918—1939).

скорее эффект «естественного» превосходства польской культуры и католицизма как носителей западной цивилизации. Их экспансия рассматривается в рамках консервативного дискурса не как проявление колониализма, а как нормальное следствие контактов народов этих регионов, спокойно живущих совместно и даже входящих в творческое взаимодействие.

Однако критики идеализации Речи Посполитой, особенно представители радикальных левых взглядов, всю совокупность социальных отношений в этом регионе характеризуют в категориях колониальной эксплуатации и угнетения [см., например: Sowa 2011]. Они уверены, что сохранение мифа идиллии в крепостях и рассмотрение Речи Посполитой как идеального предшественника многокультурного Европейского союза не только искажают прошлое, но и оказывают сильное негативное влияние на современные социальные отношения в Польше. В частности, по их мнению, приводят к тому, что статус современных крестьян, а также их потомков остается очень низким, в то время как статус шляхты и ее современных наследников незаслуженно высок. По убеждению критиков, такое состояние дел не только несправедливо, но и безнравственно, поскольку шляхта веками укрепляла свое положение и накапливала сохраняющиеся, как утверждают некоторые, до сих пор ресурсы путем эксплуатации крестьян на основе крепостного права. Петр Козак на страницах левой газеты «Критика политична» призвал выплатить компенсацию за крепостное состояние. Он писал, в частности, что «потомки тех, кто были крепостными крестьянами, находятся в худшей экономической и социальной позиции, чем потомки шляхты. Если мы хотим достигнуть равенства шансов, то нужно создать жителям села условия, компенсирующие им многолетнюю несправедливость и помогающие выйти из многовекового и несправедливого состояния цивилизационной отсталости» (Kozak 2014). В рамках указанных критических представлений господствует точка зрения, что несправедливость, созданная системой крепостного права, гарантирующего шляхте экономические и политические привилегии на протяжении ряда столетий, продолжала действовать и в дальнейшем и требует действий, направленных на исправление несправедливости, как минимум ликвидации длящегося до сих пор неравенства. В этой исторической оптике несправедливость крепостного права может объяснить, в частности, современные противоречия между городом и селом, худшее положение сельского населения как в объективном аспекте, а именно экономического положения или уровня образования, так и в субъективном, а именно статуса, в котором «сельскость», «крестьянскость» и их корреляты являются очень оскорбительными и противопоставляются высоко ценимым «городскости», «панскости». Левые критики выступают как защитники угнетенной веками социальной группы, угнетение которой продолжается и сейчас. Его проявлениями они считают недооценку сельской культуры, низкий символический статус крестьянства, предубеждение против новых жителей городов, прибывающих из сельской местности, а шире — культурную стигму выдвигающихся членов новых средних слоев и многих других.

Не ставя под сомнение благородные интенции критиков, хотелось бы указать на несколько контекстов их высказываний, которые могут пробуждать определенные сомнения в их исходных посылах. Начнем с того, что если еще можно считать оправданными современные высказывания о крестьянах или жителях села, поскольку их идентичность и статус в определенной степени можно определить, то трудно говорить о потомках шляхты как о четко опре-

деленной социальной группе и ясно обрисованном оппоненте крестьянства в описываемом споре. Во-первых, можно заметить, что шляхта всегда была многочисленным слоем на польских землях. По мнению некоторых историков, Речь Посполитая имела наибольшую в Европе того времени долю жителей, формально принадлежащих к благородному сословию, особенно если не учитывать в статистике евреев [Davies 1981]. Во-вторых, шляхта всегда была сильно дифференцированной группой, структура которой эволюционировала на протяжении веков. Сопоставление безземельной шляхты с магнатами в Средние века или богатых помещиков с обедневшей интеллигенцией шляхетского происхождения в XIX веке продемонстрирует сильные контрасты бедности и богатства, относительной маргинализации и мощного политического влияния, при этом часто связанные с элементами антагонизма. Одновременно представители указанных тут слоев многочисленного «народу шляхетского» нередко входили в союз с деятелями другого слоя. Магнаты неоднократно действовали вместе с чужими монархами, помещики — с буржуазией, а мелкая шляхта пробовала вступать в союз с крестьянами, интеллигенты шляхетского происхождения пытались поддерживать рабочих. Одновременно можно заметить, что в такой степени дифференцированную шляхту трудно назвать группой, доминирующей экономически: не раз выше беднейших представителей шляхты находились богатые крестьяне или не имеющие шляхетских привилегий горожане.

Однако не это самое важное. С началом XX века шляхта утрачивает остатки социальной сплоченности, и уже трудно говорить о каком-либо чувстве единства чрезвычайно разнородной социальной группы, в разных слоях которой начинает доминировать не сословная идентичность, а иная, в частности классовая и народная. Одновременно привилегированные части шляхты утрачивают исходную идентичность и привилегии. Переломным является период Первой мировой войны, которая привела к распаду империи, признающей дворянские и аристократические привилегии и поддерживающей в тот или иной период экономические и политические интересы определенных групп. На огромных пространствах, населенных поляками на востоке, возник Советский Союз, решительно и действительно борющийся с дворянством во всех его разновидностях. Одновременно сама Польша в 1918 году возродилась как интеллигентская республика [Зарицкий, Смочинский 2014], которая в символическом акте декларировала, что в стране перестают действовать шляхетские титулы. Происходит это на волне также символической и частично экономико-политической конфронтации приходящей к власти интеллигенции с утрачивающими свое влияние помещиками и аристократами. Новое государство не только перестает признавать шляхетские титулы, но и ликвидирует все государственные привилегии и начинает земельные реформы, направленные на ограничение крупных земельных владений. В то же время уже с середины XIX века в среду помещиков начинают входить лица, не имеющие шляхетского происхождения, которые получают доступ в эту относительно замкнутую среду через приобретение больших земельных владений. Помещики становятся в результате группой, гораздо более опирающейся на экономический статус, чем на происхождение. Одновременно на польских землях постепенно развивается, в особенности на бывшей российской территории, буржуазия, в состав которой входят представители разных социальных слоев, среди которых немало представителей иных национальностей, главным образом немцев и

евреев. Многие из них и их семей постепенно подвергаются полонизации, однако судьба большинства из них неблагоприятно складывается во время Первой мировой войны, а остальные гибнут во время Второй мировой войны или сразу после ее окончания, во время коммунистической национализации.

Группа, приходящая к власти в 1918 году и усиливающая свое влияние в течение нескольких последующих десятилетий, — это, напротив, интеллигенция. Она не превращается в новую буржуазию, но обеспечивает себе ключевые позиции в новом государстве, а ее элита становится самым влиятельным участником политической и социальной жизни. Доминирование интеллигенции после короткого, ослабляющего ее периода сталинизма не исчезает в коммунистический период и продолжается до сих пор [Zarycki, Warczok 2014]. Можно в то же время утверждать, что коммунизм структурно укрепляет позиции интеллигенции, хотя, конечно, это касается не всех ее частей. Так или иначе, уничтожение в этот период главных конкурентов интеллигенции — помещиков и буржуазии — является фактором, который трудно переоценить с точки зрения условий современного существования интеллигенции. Представители названных групп сохранили некоторые аспекты семейной преемственности, только если сумели в коммунистический период войти в ряды интеллигенции.

В контексте этих рассуждений важно, что вначале, до Первой мировой войны, постоянно растущая численно интеллигенция развивалась на основе более или менее четко выраженной оппозиции по отношению к более влиятельным, чем она, аристократам и помещикам. Она, как и нынешние левые критики, часто выступала в защиту крестьян и других находящихся на низших ступенях социальной лестницы слоев. Можно, однако, сказать, что интеллигентская идентичность формировалась с опорой на декларативную, а нередко реальную оппозицию государственной логике. Многочисленные интеллигенты-интеллектуалы во главе со Станиславом Бжозовским осуждали «шляхетизму» как отрицательный, анахроничный элемент польской культуры [Brzozowski 1906]. Они призывали к строительству новой Польши в противостоянии к шляхетскому наследию привилегий рождения и воспринятым как антисовременные традициям шляхетской усадьбы и консерватизма. Под такими модернизационными лозунгами с более или менее сильно акцентированными антишляхетскими и антиаристократическими акцентами выступали как все левые интеллигенты, так и Энденция⁴. Конечно, эта риторика должна была частично измениться после установления интеллигентского доминирования в Польской республике (возникшей в 1918 году): укрепляющиеся интеллигентские элиты все охотнее начинали апеллировать к аристократической и шляхетской польской культуре, которая была использована для легитимации собственной доминирующей позиции в новом польском народном государстве.

Заемствование интеллигенцией шляхетских традиций началось, конечно, гораздо раньше, а наиболее ярким примером этого можно считать знаменитую трилогию Генриха Сенкевича⁵, впервые изданную в 1880-х годах. Стоит, однако, отметить, что как трилогию, так и последующие апелляции интеллигенции к шляхетской культуре можно, используя научную терминологию, назвать

4 Народная демократия (польск. *Narodowa Demokracja*, или *Endecja*) — польское правонационалистическое движение, созданное в 1897 году, а в 1918 году преобразованное в партию, просуществовавшую до 1947 года.

5 Имеются в виду романы «Огнём и мечом», «Потоп», «Пан Володыёвский».

исключительно «конструктивистскими». Они являлись актами довольно произвольно творимой мифологии, которая свободно использовала исторические события и фигуры, создавая из них новый идеализированный нарратив, который со временем гораздо успешнее вписывался в каноны народной идентичности. Авторами этих новых повествований, основывающихся на шляхетской культуре, часто были люди формально шляхетского происхождения, однако создавали они их не как представители шляхты, а как интеллигенты, с намерением универсализировать шляхетские легенды, сделав их основой новой польской народной культуры. В Польской республике эти нарративы были формально введены в школьные и научные каноны, а их позиции в этих канонах не сумела подорвать и Народная Польша, скорее укрепляя их и представляя как естественные. В сталинские годы предпринимались, правда, попытки бороться с идеализированным образом Речи Посполитой и шляхты, представляя ее в классовых категориях как эксплуататора крестьян, но попытки эти оказались безуспешными. До конца существования Народной Польши критические по отношению к шляхте интерпретации социальных отношений в Речи Посполитой обязательно присутствовали в школьных пособиях, но их затмевали повествования, представляющие шляхетскую элиту как зародыш народной элиты и прославляющие ее геройство, блеск и цивилизационные достижения. Миф шляхетской демократии и Речи Посполитой как оплота свободы в борьбе с самодержавной Россией и другими империями оказался сильнее критических взглядов и потому, что он стал господствовать в популярной культуре задолго до упадка коммунизма. Показательной была также интерпретация в коммунистический период польских народных восстаний не только как народно-освободительных, но и как классовых. Таким образом вписанная в теоретически санкционированную коммунистическим государством популярную культуру «шляхетизна» стала ключевым элементом народной идентичности, а одновременно – идеологией интеллигентского доминирования. Переломным и ключевым историческим событием было введение шляхетских мифов в польскую модель гражданства, которая сформировалась после 1918 года. Идеальным гражданином стал в ней не буржуа, как в странах Западной Европы, или предприниматель, как в США [Marshall 1964], а именно интеллигент шляхетского происхождения. Шляхетскость идеального интеллигента была и остается, однако, в полном смысле «приобретенной» шляхетскостью, искусственно реконструированной для новых постфеодальных социальных отношений. Заключается она в первую очередь в хороших манерах, так называемой «культурности», образцом которой до наших дней остаются представители аристократических помещичьих семей. Как уже отмечалось, эти шляхетские или аристократические элементы в образе идеального интеллигента, которые стали его частью после победы над помещиками и аристократией, можно сравнить с частичным усвоением ранее аристократического этоса французской буржуазией после победы во Французской революции [Osowska 1986]. В обоих случаях мы имеем дело с универсализацией привилегированной в прошлом идентичности (аристократической во Франции, шляхетской в Польше) и вписыванием ее в народную модель гражданства (в форме, соответственно, у буржуа – аристократических манер и у интеллигенции – шляхетского происхождения). Процесс этот вызвал в Польше также универсализацию и деконтекстуализацию оппозиции «пан / хам», которая исходит из исторической оппозиции двух основных слоев: доминирующей шляхты,

членов которой титуловали «панами», и угнетенных крестьян, пренебрежительной называемых «хамами». Изменение, которое произошло с возникновением интеллигентской республики, символически облагораживающей всех своих жителей, являющихся гражданами, означало, в частности, что современный «пан» уже является не лицом шляхетского происхождения, а прежде всего хорошим гражданином. В конкретной ситуации конфликта с кем-нибудь, кого он называет «хамом», он выступает в качестве гражданина, близкого к идеалу интеллигентского образца, который может благодаря этому символически унижить оппонента, стоящего ниже в рамках этих координат, что не должно было быть связано с разницей в их происхождении. Как пишут исследователи разных культур, в особенности Джеффри Александер, все они обладают культурными шаблонами для иерархической оценки [Alexander 2006], которые подобны польской оппозиции «пан / хам» с точки зрения своего объективирующего «естественного» характера, вписанного в моральные рамки данного общества. Однако не стоит элементы этой оппозиции отождествлять с реально существующими социальными группами вроде шляхты или буржуазии.

В Польше описываемые процессы универсализировали реконструированное интеллигенцией шляхетское наследие до наследия народного и произвели его переоценку, сделав из представителей интеллигентской элиты наиболее законных его обладателей. Одним из следствий этих перемен является продолжающееся укоренение в польской культуре оппозиции «пан / хам» как нормативной оси, пункта соотнесения моральных оценок, имеющих следствием приближение к гражданским идеалам. «Панскость», универсализированная в 1918 году до гражданства, принципиально противостоит «хамскости», культурно отнесенной к селу и крестьянству, но прежде всего занимающей низшую позицию в социальной иерархии, определяемой через гегемонию интеллигенции. Это означает, что большинство современных споров, которые касаются оппозиции «пан / хам», имеют в виду не столкновение потомков шляхты с потомками крестьянства. Напротив, речь идет о спорах тех, кто в большей степени соответствует идеалам интеллигентскости, с теми, кому по разным причинам труднее обрести интеллигентскую идентичность. Причины этих трудностей могут быть очень разными (среди них может быть, конечно, и «худшее» происхождение), но на практике они обычно заключаются в нехватке современных социальных и экономических ресурсов, прежде всего — культурного капитала, который не является, конечно, капиталом, переходящим по наследству на протяжении многих поколений.

Что интересно, на эту закономерность, а именно повсеместную апелляцию к неошляхетским символика и ценностям в отрыве от собственного происхождения, рассматриваемого в категориях государственных, обращают де-факто внимание многие из критиков угнетения крестьян как жертв крепостничества. Они часто указывают на то, что большинство поляков не может доказать свое «полностью» шляхетское происхождение, а обладает в той или иной степени происхождением крестьянским. Указанные критики в апелляции этих лиц к шляхетским мотивам, в особенности к неошляхетской интеллигентской идентичности, видят, однако, не эффект преодоления феодальных границ и возникновение современной рамки социальной культуры, построенной на неошляхетских мифах, но важную проблему. Во-первых, они рассматривают ее как ситуацию, сомнительную морально, в которой угнетаемый или непосредственный потомок идентифицирует себя со своим угнетателем. Во-вторых,

они выдвигают тезис, что значительная часть поляков апеллирует в разных формах к шляхетской идентичности или неошляхетскому нарративу, принимая этим способом фальшивую идентичность или даже приобретая фальшивое самосознание. С этим самосознанием они живут во внешней лжи, которая порождает постоянное напряжение. Решением этой проблемы, по мнению критиков, является переоценка крестьянских нарративов, которая позволила бы живущим в фальшивом самосознании полякам найти свою подлинную, а именно крестьянскую, душу. Как полагают указанные критики, большинство поляков в качестве крестьян или потомков крестьян дискомфортно чувствуют себя с неошляхетской идентичностью, принять которую их побуждало или косвенно принуждало социальное окружение. Поэтому мы должны, согласно подобным высказываниям критиков, позволить «подавляющим» свою крестьянскую быть собой, а чтобы облегчить это, одновременно произвести в публичном пространстве переоценку крестьянской культуры.

Мы можем, пожалуй, сказать, что критики ставят под вопрос в этой сфере законность универсализации элементов культуры шляхетской как культуры народной и построения польской модели гражданства по образцу постшляхетского интеллигента. Как альтернативную и единственно очевидную модель гражданства они обычно предлагают классическую модель западного идеального гражданина, ассоциируемого с мифическим образом буржуа. Представляется, что это случай очень частой в этой части Европы трактовки местных попыток создания универсальных механизмов эмансипации и гражданства как полных исторической фальши и партикуляризма, а также противопоставления их классическим западным моделям, воспринятым как универсальные и оторванным от собственной историчности [Zarycki 2014]. Такой подход, очевидно, характерен прежде всего для той части элиты периферийных стран, которую можно назвать либеральной или прозападной. Он обычно контрастирует с представлениями консервативной части элиты, более или менее критически относящейся к западным образцам. Данный текст сосредоточивается, как можно было заметить, главным образом на голосах из леволиберального лагеря, однако цель его — выйти за пределы описываемой тут политической оппозиции.

Возвращаясь поэтому к нарративу процитированных критиков, стоит обратить внимание на то, что в нем появляется очень знаковый элемент связывания негативно интерпретированного восприятия неошляхетской идентичности широкими массами повышающих свой социальный статус поляков, исторически вышедших из крестьянской среды, со структурными проблемами всего общества. Как полагают подобные критики, эти «притворяющиеся» шляхтой крестьяне, в большом количестве населяющие польские города, принимающие роль среднего класса, а нередко даже входящие в ряды элиты, являются жертвами своей неумелой и неконтролируемой «игры» в шляхту. В то же время, однако, эта игра является средством решения важных проблем не только для них, но и для всего общества. Для критиков не подлежит сомнению, что эти люди часто страдают от своего фальшивого самосознания и роли «панов» играют неуверенно и плохо. Что хуже, однако, шляхетскость, к которой стараются любой ценой приобщиться, не вытесняет присущую им на самом деле глубокую крестьянскую, но делает ее скорее скрытой, часто даже для самих носителей. Поэтому возникает «забытая» генеалогия [Duch-Dyngosz 2012], вытесненная во время «проспанной революции» [Leder 2014]. Марта

Дух-Дынгош ссылается в этом контексте на писателя Веслава Мысливского, согласно которому «современная польская интеллигенция в огромной степени имеет крестьянское происхождение — в котором, к сожалению, не всегда признается — этот парадокс разрыва интеллигентского самосознания с культурным наследием крестьян выходит за пределы разумного и, если выразиться эмоционально, приобретает масштабы культурной драмы» [Mysliwski 2003: 2].

Достаточно шумным выразителем взглядов, согласно которым фальшивое самосознание, крестьянское в своей глубокой идентичности, но имитирующее шляхту нового среднего класса, представляет собой ключевую социальную проблему, является также социолог Яцек Василевский. Он утверждает, что, наряду с другими последствиями, «это ведет к замыканию в узком, чаще всего семейном кругу. Посмотрите на наших политиков и на их крестьянскую ментальность, проявляющуюся в обеспечении синекур своим родственникам и знакомым. Это проявление неверно понятых семейных чувств становится идеальной основой для коррупции и nepотизма. Корни этого явления можно найти во взглядах выходцев из деревни — в город для получения образования отправлялся из большой семьи один ребенок, который делал это не ради себя, но ради пользы, которую он должен принести всей семье» [Wodecka 2012b: 17]. В этой же статье Василевский в качестве элемента скрытой крестьянской идентичности называет также «народную религиозность». Он считает ее «ритуальной, даже театральной, которая была и есть сейчас сильнее рефлексивной и индивидуализированной. Народная церковь большое внимание уделяла семейным ценностям и естественности иерархии, на них выстроенной». Эти черты «народной религиозности» проявляются особенно выразительно в склонности к нерассуждающему подчинению, которая характерна для нового среднего класса. Подобным образом на эту же тему высказывается на тех же самых страницах престижного и дорогого издания, каким является «Газета выборча», этнограф Эва Хомицка: «Я замечаю у жителей села немало покорности, которая может возникать из чувства бессилия, поскольку они уверены, что имеют слабую социальную позицию, что любой их протест не будет услышан, а поэтому не имеет смысла. И при этом они хотят достичь успеха, сделать карьеру. С полной уверенностью это можно увязать с несколькими столетиями существования в условиях крепостничества — социального, экономического, политического и психологического. Это “лишение воли”, о котором здесь идет речь, было сильно укоренено в очень важном для крестьян религиозном контексте, в основе которого веками лежала “теология страха”, в которой грозный бог, угрожая карой, требовал от своих последователей полного послушания» [Wodecka 2012a]. Марта Дух-Дынгош также утверждает, что крестьянская идентичность имеет своим следствием у нового среднего класса «нежелание принять ответственность за формирование собственной биографии» [Duch-Dyngosz 2012: 12] и «неумение расширить зону социального доверия, с тем чтобы вступать в контакты с незнакомыми людьми, а также получать новые впечатления» [Duch-Dyngosz 2012: 13]. Согласно ее трактовке, крестьянские корни значительной части элиты были проблемой уже в период Народной Польши. Она утверждает, что известный синдром «homo soveticus» — это в большой степени следствие крестьянских корней среднего класса, выдвигающегося на первый план во время Народной Польши [Duch-Dyngosz 2012: 10]. Другим автором, утверждающим, что проблема крестьянского наследия от времен крепостничества является ключом к пониманию современных проблем Польши, является Януш

Хрыневич [Hryniewicz 2004]. В своих публикациях он предложил понятие «фольваркового синдрома», сутью которого является воспроизводство в польских социальных институтах организационной культуры, унаследованной от фольварка⁶ времен крепостного права. Фольварковые межчеловеческие отношения, отмеченные пятном крепостничества, брутальности и отсутствия уважения к тем, кто находится ниже на социальной лестнице, существуют, по его мнению, и в современном польском обществе, не позволяя ему развиваться более динамично.

Стоит подчеркнуть, что, по утверждению упомянутых критиков, с выявляемой ими у значительной части польского среднего класса скрытой крестьянской идентичностью связан целый ряд системных проблем польского общества. Скрываемая или подавленная, часто не до конца осознанная крестьянская идентичность проявляется через ряд чрезвычайно негативных действий и взглядов. Они складываются в своеобразный синдром, в который входят отсутствие взаимного доверия, ответственности, стремлений и ряд других близких по характеру дефицитов, к которым приобщается все общество, и из культурных проблем они превращаются в политические и даже экономические (дефицит «социального капитала», как утверждают многие социологи, является главным барьером на пути модернизации).

Указанные критики обычно предлагают способы исправления этой ситуации. Они имеют, с одной стороны, психологический характер, а с другой — культурный. Во-первых, предлагается осознание новыми средними классами своих крестьянских корней и своей связи с ними. Во-вторых, выдвигаются проекты включения в публичное пространство дискуссий, переоценивающих крестьянские идентичность и традиции. В рамках первого предложения выдвигаются разного рода терапевтические программы, обращенные к членам среднего класса, имеющим крестьянское происхождение. Магдалена Бартецка из Общества возрождения культуры «Фолковиско» формулирует их суть следующим образом: «Мы предлагаем переработать имеющееся крестьянское наследие. Стараемся выявить механизмы, отвечающие за беспамятность. Но хотим пойти дальше: создать новый нарратив о пане и хаме. Честный» [Aksamit 2015]. Переработать «проспанную революцию» предлагает новому среднему классу с крестьянскими корнями в своей книге и Анджей Ледер. Марта Дух-Дыгнош предложила целую программу «переработки крестьянкости», которая должна быть прежде всего борьбой с ошибочной уверенностью большинства поляков в своем шляхетском происхождении. По ее мнению, «можно допустить, что, беря ответственность за свое прошлое, мы отбрасываем комплексы нашего происхождения, а приняв себя, наконец начнем пользоваться пространством личной свободы, о которой писал Зиммель. Если обретем самосознание, тогда будем в состоянии посмотреть на себя со стороны и понять, что наша идентичность состоит из разных элементов и ее трудно замкнуть в один нарратив» [Duch-Dyngosz 2012: 13]. В этом заявлении характерно (как, впрочем, и у ряда других авторов, в том числе Анджея Ледера), что она рассматривает «крестьянкость» как проблему, актуальную для всего польского общества. Это можно считать лицемерием, в аспекте как «эссенциалистском», так и «конструктивистском». В первом речь шла бы о том, что даже если это

6 Фольварк (польск. *folwark* от нем. *Vorwerk*) — наименование помещичьего хозяйства в Польше. Основой фольварковой системы ведения хозяйства была барщина.

не очень многочисленная группа, все же среди польских элит немало семей, которые в значительной степени на протяжении ряда поколений являются семьями, живущими в городах, а среди их предков преобладают лица с крестьянской, интеллигентской или буржуазной идентичностью. К их числу принадлежит, как это показала хроникер судеб потомственных интеллигентских семей Магдалена Байер, и семья очень активного участника описываемых споров Анджея Ледера [Вајер 2012]. С другой стороны, в аспекте, который тут назван «конструктивистским», — крестьянские и шляхетские идентичности, а также и другие, функционирующие сейчас, прежде всего на базе сконструированного разными способами социального статуса, не генеалогического происхождения. Как показано выше, использование неошляхетской идентичности является сейчас прежде всего привилегией интеллигенции. Иными словами, можно сказать, что без обладания значительными интеллигентскими ресурсами апеллирование к шляхетскости будет малоубедительным, а иногда и смешным.

Как представляется, все участники описанных тут и подобных споров являются частью широко понимаемой интеллигентской элиты. Поэтому потенциально сами они могут быть и на практике часто являются пользователями части усвоенных интеллигенцией шляхетской риторики, стилистики и идентичности. Можно было бы в шутку предложить им самим провести операцию, аналогичную той, которую упомянутые критики предлагают продвигающимся вверх членам средних классов. Как леволиберальные «терапевты» ищут в идентичности «нового среднего класса» крестьянские элементы и предлагают продвигающимся вверх по социальной лестнице людям помощь в их переработке, точно так же этим «терапевтам» можно бы предложить помощь в поиске их собственной, не до конца осознанной шляхетской идентичности и также ее соответствующей «переработке». Это, конечно, шутка, но можно считать, что указанные авторы действительно забывают свой привилегированный интеллигентский статус и этим способом маскируют свою доминирующую по отношению к новому среднему классу социальную позицию. В подтверждение этого можно привести хотя бы тот факт, что упомянутые критики выступают на страницах престижных изданий, дают интервью или публикуют широко комментируемые книги и даже создают фильмы и, таким образом, в поле символического производства делают доступными свои взгляды в каждой социальной среде только для очень узкой элиты. Этот статус позволяет им также апеллировать к естественным для интеллигентской идентичности неошляхетским схемам, в чем они не всегда хотят признаться. В частности, можно было бы продемонстрировать, что описанный тут их критический дискурс по отношению к новым, добивающимся успеха средним классам опирается именно на воспринятую как естественную оппозицию «пан / хам». Взгляд из такой перспективы показал бы, что наши критики занимают позицию так ненавидимых ими «панов» и призывают представителей выдвигающихся средних слоев соответствовать интеллигентским идеалам, напоминая им одновременно под предлогом благотворительной терапии об их непреодоленном крестьянском (подразумевается — «хамском») происхождении. Подобная интерпретация также демонстрирует, насколько укоренена в широкой культуре оппозиция «пана» и «хама». В польском случае для соответствующего социального действия, в частности осуществления социальной критики, привычно занимать позицию «пана» и клеймить не нравящиеся действия или далеких от утонченности деятелей как «хамских». В большинстве случаев принятие

«панской» риторики сопровождается занятием интеллигентской позиции или апеллированием к определенным интеллигентским ценностям. Хорошей иллюстрацией в этой сфере будут действия тех, кто стремится к возрождению антишляхетской крестьянской идентичности. К числу наиболее выразительных примеров принадлежит музыкальный коллектив РУТА⁷, который обрабатывает и исполняет произведения, апеллирующие к крестьянской памяти о несправедливости, доходя даже до смакования воспоминаний о кровавых антишляхетских крестьянских бунтах XIX в. Как справедливо указывает Адам Чех, деятельность коллектива РУТА типична для молодой сельской интеллигенции [Czech 2012], а произведения, которые исполняют его члены, являются типичными интеллигентскими реконструкциями, стилизованными с использованием соответствующих эстетических и идеологических представлений. Так, песни коллектива — это обогащенные за счет компилирования архаичные тексты, имеющие не так уж много общего с идентичностью польских крестьян.

История таких интеллигентских стилизаций в Польше достаточно давняя, а их наиболее известным примером можно считать, без сомнения, реконструкции фольклора, а также (в определенный период) идентичности горцев с Татр. Осуществила их интеллигенция из Кракова и других польских городов, очарованная регионом Подгалье⁸ и покупавшая там дома в конце XIX — начале XX в. Выразителен также тот факт, что зачарованная крестьянством интеллигенция со страстью создает гибридные культурные формы для своих сельских подопечных, однако, как представляется, она не готова принять полностью все культурные формы, имеющие действительную популярность на селе. Лучшим их примером является жанр музыки, известный как диско-поло. Это разновидность музыки, имеющая низкий статус, но повсеместно слушаемая и исполняемая в сельской местности. Интересно, что она часто содержит заимствования из музыки стран, соседствующих с Польшей на востоке, в частности, часть песен основывается на мелодиях, почерпнутых из российской или украинской популярной и народной музыки. Поэтому можно сказать, что диско-поло в полном смысле представляет «правдивую» крестьянскую идентичность (сельскость). Это музыка в какой-то степени оппозиционная, поскольку она пробуждает негативные чувства недовольства, беспокойства или стыда у большинства, в частности у сельской интеллигенции. То, что ее не ценят деятели на ниве «переработки» крестьянскости и исправления исторической несправедливости, можно рассматривать как свидетельство того, что они и сами, по сути, стоят на интеллигентских «панских» позициях. Диско-поло будет с этой точки зрения в большой степени выступать как жанр «хамский».

Суммируя сказанное выше, можно утверждать, что споры на тему непереработанной, затушеванной «крестьянской» идентичности и неискорененных несправедливостей крепостного права являются прежде всего внутриинтеллигентскими спорами с сильным политическим элементом. Критиками являются главным образом интеллектуалы-интеллигенты либеральной ориентации, преимущественно леволиберальной. Защитниками «шляхты», то есть классических традиций Речи Посполитой и ее элит, являются прежде всего консерваторы, правые. В польском контексте разделение на правых и левых,

7 «Реакционный союз арт-террористов» — польская анархо-этно-панк группа.

8 Подгалье — исторический регион в северных отрогах Татр на границе Польши со Словакией.

как в большинстве периферийных стран, в значительной степени связано с отношением к Западу, его ценностям и влиянию. Левые (либералы) имеют обычно тенденцию к «космополитическому» выбору, то есть проявляют склонность к более или менее радикальному усвоению западной культуры, в частности ее воспринимаемой как естественная модели гражданства как универсализованной точки отсчета. Правые (консерваторы) имеют тенденцию к слишком высокой оценке народных традиций и конвенций. Спор о роли шляхты и наследии крепостного права достаточно выразительно вписывается в эту логику. Для левых образ шляхтича узаконивает «плохую» польскую традицию: провинциальность, консервативность и склонность к скандалу. Шляхтич — это в то же время мифическая воображаемая фигура, продвигаемая правой интеллигенцией. Его можно одновременно обвинить в гибели Речи Посполитой и в создании негативной культуры крепостного фольварка, до сих пор затрудняющей развитие страны. Для описанных правых именно мифы Речи Посполитой являются фундаментом польской идентичности, а реконструированные шляхетские символы и нарративы — важными элементами идентичности правой интеллигенции. В обоих случаях, как представляется, шляхта является скорее воображаемой категорией, а не реально существовавшей группой, которой можно было бы приписать вину или заслуги за то или иное состояние современного польского общества.

Пер. с польск. А.И. Рейтблата

Библиография / References

- [Aksamit 2015] — *Aksamit B.* Hrabia i chłopka // *Gazeta Wyborcza. Duży Format.* 2015. 23 lipca.
- [Alexander 2006] — *Alexander J.C.* The civil sphere. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- [Bajer 2012] — *Bajer M.* Lederowie // *Forum Akademickie.* 2012. № 10.
- [Brzozowski 1906] — *Brzozowski S.* Likwidacja szlachetczyzny // *Przegląd Społeczny.* 1906. № 14.
- [Czech 2012] — *Czech A.* Chłop potęgą jest, nie miasta // *Gazeta Wyborcza. Magazyn Świąteczny.* 2012. 29 sierpnia.
- [Davies 1981] — *Davies N.* God's playground. A history of Poland. Oxford: Clarendon Press, 1981. Vol. 2.
- [Duch-Dyngosz 2012] — *Duch-Dyngosz M.* Zapomniana genealogia Polaków // *Znak.* 2012. № 5. S. 8—13.
- [Hryniewicz 2004] — *Hryniewicz J.* Polityczny i kulturowy kontekst rozwoju gospodarczego. Warszawa: Scholar, 2004
- [Kozak 2014] — *Kozak P.* Pańszczyzna. Niedokończona sprawa // *Dziennik Opinii. Krytyka Polityczna.* 2014. 23 lutego.
- [Leder 2014] — *Leder A.* Prześlona rewolucja. Ćwiczenie z logiki historycznej. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2014.
- [Marshall 1964] — *Marshall T.H.* Class, citizenship, and social development: essays. Garden City: Doubleday, 1964.
- [Mysliwski 2003] — *Mysliwski W.* Kres kultury chłopskiej. Warszawa: Prowincjonalna Oficyna Wydawnicza, 2003.
- [Ossowska 1986] — *Ossowska M.* Bourgeois morality. L.; N.Y.: Routledge & Kegan Paul, 1986. (Рус. перевод: *Осовская М.* Буржуазная мораль // *Осовская М.* Рыцарь и буржуа: Исслед. по истории морали. М.: Прогресс, 1987.)
- [Sowa 2011] — *Sowa J.* Fantomowe ciało króla: Peryferyjne zmagania z nowoczesną formą. Kraków: Universitas, 2011.
- [Wodecka 2012a] — *Wodecka D.* Nie wstydz się «słoika» // *Gazeta Wyborcza. Magazyn Świąteczny.* 2012. 30 listopada.
- [Wodecka 2012 b] — *Wodecka D.* Nie wstydz się swojego chłopca. Ile w Polakach szlachcica,

- a ile wieśniaka? Z prof. Jackiem Wasilewskim rozmawia Dorota Wodecka // *Gazeta Wyborcza*. 2012. 30 czerwca — 1 lipca.
- [Zarycki 2014] — *Zarycki T.* Ideologies of Eastness in Central and Eastern Europe. L.: Routledge, 2014.
- [Zarycki, Warczok 2014] — *Zarycki T., Warczok T.* Hegemonia inteligentka: Kapitał kulturowy we współczesnym polskim polu władzy — perspektywa «długiego trwania» // *Kultura i Społeczeństwo*. 2014. № 4. S. 27—49.
- [Зарицкий, Смочинский 2014] — *Зарицкий Т., Смочинский Р.* Интеллигентская революция на периферии Российской империи и ее современные последствия: землянское наследие в польской гражданской модели // *Мир России*. 2014. № 23. С. 115—136.
- (*Zarycky T., Smoczyński R.* Intelligentskaja revoljucija na periferii Rossijskoj imperii i ee sovremennye posledstvija: zemjanskoe nasledie v pol'skoj grahdanskoj modeli // *Mir Rossii*. 2014. № 23. P. 115—136.)